

II. Кампания 1929—1930 гг. против переверзевищины

Антипереверзевскую кампанию 1929—1930 гг. следует рассматривать в контексте вспыхнувшей в 1928 году борьбы с «правым уклоном», «меньшевизмом», препятствующим сталинской перестройке общества. Она была вызвана теми же причинами, имела те же характерные черты, что и борьба с т. н. механистами в философии, психологии или политэкономии³². Помимо широкого политического контекста сталинской культурной революции существовали и непосредственные факторы, обусловившие резкую критику переверзевской концепции: споры между двумя фракциями РАППа о методе пролетарской литературы. Представители левого крыла РАППа воспользовались трудами Переверзева в качестве предлога, чтобы выразить свое полное несогласие с литературной программой Л. Авербаха и его соратников из редакции журнала «На литературном посту» (А. Фадеев, В. Ермилов, Ю. Либединский, А. Селивановский, В. Сутырин и др.). С. Родов, И. Вардин, Г. Лелевич, возглавлявшие до 1926 г. Ассоциацию пролетарских писателей и журнал «На посту», никак не разделяли тех положений в программе авербаховцев, которые свидетельствовали о некотором влиянии «психологизма» А. Воронского (лозунги «непосредственных впечатлений», «живого человека», «углубленного психологизма», «учебы у классиков» и т. д.). Этому курсу правления РАППа бывшие напостовцы противопоставили свою собственную программу чисто агитационной пролетарской литературы, в которой моментам опыта, психики, подсознания и индивидуальности не было места, так как предпочитался подчеркнута идеологический подход ко всем вопросам творчества. Крайне политическое мышление этой группы выразилось в проповеди чистого коллективизма, непрофессионализма литературных бригад, политического романа и очерка, образца Маяковского-агитатора и т.д. Любопытно, что в связи с этим ссылались, как правило, на авторитет Ленина, в том числе на введенное им понятие «партийность»³³. С помощью влиятельных бывших пропагандистов идей Богданова и Пролеткульта литфронтовцы раньше всех остальных рапповцев отмежевались от плехановского наследия и первыми произвели стержневые категории будущего соцреализма в ранг программной нормы.

Когда бывшие напостовцы в 1929 году открыли огонь против литературоведческой концепции Переверзева, авербаховцам сразу же стало ясно, что критика «сверхпсихологической» теории Переверзева в значительной степени относилась к психологическим аспектам их собственной литературной программы и что им необходимо что-то предпринять для укрепления власти. В этих целях они использовали благоприятный момент (смерть влиятельного Фриче в сентябре 1929 г.), чтобы развязать кампанию против Переверзева. Симптоматично, что она проводилась под лозунгом «За плехановскую ортодоксию», тем самым авербаховцы заняли среднюю позицию между Переверзевым и ссылающимися на Ленина бывшими напостовцами. Пользуясь еще не иссякшим авторитетом Плеханова, авербаховцы в конце 1929 г. отделились и от последовательного «психологизма» Пе-

реверзева, и от крайнего идеологизма бывших напостовцев, чтобы выдвинуть программу пролетарской литературы, признающую за «психологическими конфликтами» некоторое право на существование.

В этом контексте и родилось понятие «переверзевщина». Его применяли все рапповцы, причем круг оппонентов Переверзева охватывал не только членов пролетарской литературной организации. К бывшим напостовцам, имеющим свой центр в Ленинградской АПП (Г. Горбачев, А. Камегулов, В. Вишневецкий, Д. Тамарченко, Е. Мустангова, А. Горелов и др.), вскоре примкнула группа И. Беспалова (М. Гельфанд, А. Зонин и др.) из московского Института красной профессуры, первоначально еще сотрудничавшая с Переверзевым, некоторые «идеологи» из окружения Фриче (И. Нусинов, М. Добрынин, С. Динамов, И. Анисимов, М. Храпченко, С. Малахов и др.), а также бывшие лидеры Пролеткульта П. Керженцев и П. Лебедев-Полянский. Многие из них вскоре объединились в «Литфронте».

Важную роль в антипереверзевской кампании сыграл доклад «Две критики. Плеханов — Переверзев» С. Щукина³⁴, выступившего сначала на собрании литературной секции Института красной профессуры, а потом в Коммунистической академии. Там в ноябре 1929 г. и январе 1930 г. состоялись две большие дискуссии по литературоведческой концепции Переверзева³⁵. Прения завершились резолюцией президиума Коммунистической академии, в которой переверзевская теория характеризовалась как «ярко меньшевистская концепция»³⁶. Результатом последующей борьбы авербаховцев с Литфронтом по поводу переверзевщины был сборник «Против меньшевизма в литературоведении»³⁷. После такой кампании обвинение в переверзевщине стало весьма опасным. Это понятие возбуждало ряд опасных политических ассоциаций и оценок (нередко с доносительским оттенком), далеко выходящих за рамки научных или литературно-программных разногласий. Какую бы часть переверзевской концепции ни обсуждали, все упреки сводились к одному — к недооценке Переверзевым решающей роли политики.